ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЪЕКТИВЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ (1917–1941)

И. И. Янушевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, yanush@bsu.by*

В статье проводится анализ деятельности антирелигиозного аппарата по организации атеистического воспитания населения. Установлено, что экономическая и хозяйственная деятельность религиозных организаций и священнослужителей должна была стать весомой составляющей антирелигиозной пропаганды. Определено, что предложенные идеологическими работниками тезисы о нерациональности трат на религиозную деятельность не находили поддержки среди верующего населения. Попытки связать исторические формы государственной финансовой поддержки религиозных организаций с реставрационными настроениями имели слабый пропагандистский эффект.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность; антирелигиозная пропаганда; Православная церковь.

ECONOMIC ACTIVITY OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE LENS OF ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA (1917–1941)

I. I. Yanushevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, yanush@bsu.by*

The article analyzes the activities of the anti-religious apparatus for the organization of atheistic education of the population. It is established that the economic and economic activities of religious organizations and clergy should have become a significant component of anti-religious propaganda. It was determined that the theses proposed by ideological workers on the irrationality of spending on religious activities did not find support among the believing population. Attempts to link historical forms of state financial support for religious organizations with restoration sentiments had a weak propaganda effect.

Keywords: economic activity; anti-religious propaganda; The Orthodox Church.

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики поставили перед собой максимально амбициозные задачи, в том числе, установление коммунистической идеологии как единственно верной идеологической платформы. Атеизм как мировоззренческая основа являлась одним из важных идеологических принципов РКП(б), что не допускало существования религиозных верований в силу того, что в основе обоих мировоззрений (религиозного и марксистско-ленинского) лежала вера либо в сверхъестественные силы, либо в потенциал разума человека. В связи с этим, одним из опаснейших пережитков буржуазного прошлого большевики считали

религиозные организации, духовенство и все, что с ними было связано. Одной из задач РКП(б) при построении нового общества стала задача формирования гражданина как убежденного атеиста, человека-безбожника, который в дальнейшем должен был стать адептом коммунистической идеологии. На данном пути предстояло сломать и снести многие вековые традиции и человеческие привычки.

В процессе изменения общественного сознания и вытеснения из него религиозного мировоззрения были задействованы все органы государственного управления. В 1922 г. была создана Комиссия по проведению отделения церкви от государства (Антирелигиозная комиссия), которая взяла на себя основную работу по проведению антирелигиозной политики советской власти. Была сформирована система советского агитпропа, которая включала общественные организации («Союз воинствующих безбожников»), научные учреждения (Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, кафедры научного атеизма в университетах и институтах), пропагандистский аппарат в системе государственного управления (лекторские группы при райкомах и обкомах партии) и т. д.

Для замены религиозного мировоззрения на атеистическое в общественном сознании советский агитпроп должен был предложить практический материал для использования в повседневной работе. Так, одним из методов борьбы с религиозными организациями и их влиянием в обществе стала демонстрация экономической составляющей функционирования церковных институтов, что должно было дискредитировать церковь как общественный институт и обеспечить идеологическую поддержку кампании по изъятию церковных ценностей. Перед партийным и идеологическим аппаратом была поставлена задача продемонстрировать «эксплуататорскую сущность» церкви в исторической ретроспективе и в современном буржуазном обществе, а также иждивенчество и паразитизм клира в социалистическом государстве. Данная оценка деятельности церкви была основана на понимании и либералами и марксистами хозяйственной деятельности конфессий, в том числе РПЦ, как бизнес-проекта. По их мнению, являясь составной частью социально-политической жизни государств, религиозные культы выполняли не только религиозные, но и административно-распорядительные функции. Средства к существованию кроме сборов и пожертвований за выполнение религиозных действий религиозные организации получали путем эксплуатации населения, а также в виде государственных дотаций [1, с. 117]. Несомненно, основные конфессии прошли разные этапы своего экономического благосостояния, однако в рамках антирелигиозной работы необходимо было продемонстрировать и закрепить в общественно-политическом дискурсе понимание

роли религии, церкви и священнослужителей не только как институтов, эксплуатирующих население, но и как освящающих, оправдывающих систему эксплуатации бедных богатыми [2, л. 13].

Однако положение религиозных организаций и клира изменилось в результате прихода к власти большевиков в 1917 г. После принятия декретов советской власти «О земле» и «Об отделении церкви от государства» излишества, имевшие место у части клириков до революции 1917 г., потеряли свою актуальность [4, с. 3, 12]. Советская власть поставила клириков в экономическом плане в катастрофическое положение. По-сути, религиозные организации и их руководители из эксплуататоров превратились в обыкновенных гонимых большевиками граждан. В связи с этим, Антирелигиозная комиссия и идеологические работники на местах должны были найти способы доказать, что «контрреволюционная деятельность» и получение доходов является главной задачей «религиозников всех мастей» [6, с. 3–12].

Прежде всего, советским агитпропом «вскрывались» все каналы получения средств к существованию священнослужителями и религиозными организациями. Верующим внушалось, что религиозные праздники, требы, десятины придумывались для регулярного выкачивания пожертвований. Мощи, чудотворные иконы, крестные ходы, миквы, всякого рода освящения приравнивались к шарлатанским, контрреволюционным акциям [9, с. 3–17]. Изготовление и продажа свечей, просфор, мацы, забой на кошер и иные неотъемлемые атрибуты культа трактовались как заработок денег на фетишах. Кроме того, служитель культа любого ранга в СССР практически полностью зависел от приношений прихожан, что давало возможность воспринимать его как нетрудовой элемент, «представителя вольных профессий», да и просто «дармоеда».

Антирелигиозниками активно высмеивалась жадность, сребролюбие низшего духовенства. Персональное отношение к материальным ценностям конкретного священнослужителя транслировалось на весь клир. Между тем и до революции очень многие православные священнослужители были значительно ограничены в своих материальных возможностях. Государство и церковь не могло обеспечить их содержание на достаточном уровне. Семьи были большие, земельные наделы незначительные, а белорусские приходы были особенно бедные [3, с. 22]. Несомненно, имелись в составе в том числе православного клира лица не в полной мере соответствующие своему статусу из-за сребролюбия и чревоугодия. Синодально-консисторская система вынуждала многих становиться священнослужителями по семейно-бытовым причинам, а не по морально-нравственному расположению.

Между тем проходивший процесс изъятия у религиозных организаций собственности и средств к существованию, а также его информационное сопровождение не получили ожидаемого пропагандистского эффекта. Это связано прежде всего с тем, что рядовые верующие и деятели антирелигиозной кампании смотрели под разным углом зрения на экономическую деятельность религиозных организаций и на обвинения в получении «несметных богатств» религиозными структурами и отдельными представителями конфессий. Те, кто был согласен с подобной политикой, являлись или иноверцами, или безбожниками. Однако прихожане, жертвующие средства, рассматривали это как естественное положение дел. Регламентированные взносы и добровольные сверхнормативные пожертвования выступали как бы гарантиями нормального существования и самой религиозной структуры, и самого человека, внесшего пожертвование. С точки зрения жертвующего, приношения являлись спасительной жертвой, имевшей важное значение в непростое время. И из-за ослабления религиозных чувств, и из-за сложного материального положения прихожане иногда вынуждены были отказываться от содержания пастыря и храма, но в большинстве своем старались сохранить важную для себя составляющую жизнедеятельности [7, л. 114–115]. Но все же если священнослужитель не выдерживал экономического давления, прихожане утрачивали возможность материального участия в жизни прихода, и он ликвидировался, то фактически для общественности это была демонстрация не «алчности попа» и неостребованности религиозной деятельности, а результат агрессивной фискальной политики [8, л. 67].

Кроме того, большевики по незнанию или же преднамеренно не брали в расчет большую социальную деятельность религиозных организаций, которая позитивно воспринималась гражданами. К примеру, Иоанн Кронштадтский для большевиков был «черносотенцем» с многомиллионным состоянием, а для православных — последней надеждой, святым, родным батюшкой, аккумулирующим средства на благотворительность.

В силу сохранения высокой степени религиозности и закрепления религиозного мировоззрения в общественном сознании, крестьяне, даже получившие в собственность церковные земли и имущество, никак не могли одобрить мер по полному вытеснению религиозных организаций на задворки общественно-политической жизни. Объяснить заботой о народе ограничение, а в дальнейшем и полную ликвидацию возможности исполнения религиозных обрядов в силу экономического и административного давления власти, называвшей себя народной, было бесперспективно. Однако это обстоятельство на практике не учитывалось. Еще существенней било по подобной пропагандистской концепции то обстоятельство,

что изымаемые государством помещения, украшения, богослужебные предметы являлись зачастую даром жертвователей, в том числе коллективных, а зачастую и еще живых. И хотя по советским законам все церковной имущество объявлялось народным достоянием, но конкретным человеком оно отдавалось в храм для определенной цели и в понимании верующего это не являлось результатом эксплуатации «темноты и нищеты масс». В восприятии верующих данные действия властей воспринимались как надругательство над пожертвованием, а сакральные чувства верующих подвергались высмеиванию как отсталость и бескультурье [10, с. 54].

Следует отметить, что на высшем партийном уровне имелось понимание, что антирелигиозная пропаганда и атеистическое перевоспитание имеют крайне низкую эффективность. В стан безбожников с применением всех мер административного давления смогли привлечь не более 1 % населения [12, л. 12].

К началу 1930-х гг. процесс изъятия собственности у религиозных организаций был завершен. Однако, по мнению антирелигиозного аппарата, в стране имелся один важный недостаток, а именно — наличие богослужебных помещений и священнослужителей. Ушедшие в подполье клирики и приходы жили своей автономной жизнью, конспиративные потоки движения финансов были не контролируемы [11, с. 234–242]. Все это, по мнению агитпропа, создавало возможности для продолжения религиозной жизни и сдерживало процесс закрепления атеистического мировоззрения. В связи с этим, в антирелигиозной кампании был взят курс на агитацию за закрытие храмов. Во-первых, религиозную организацию, приход, священнослужителя можно было представить как эксплуататоров населения с целью получения для себя экономических благ посредством использования богослужебного помещения — сборов на содержание «попа с семьей», сборов денег на ремонт постройки, содержание хора и прочие весьма значительные финансы при остром недостатке средств к существованию. И без агитации отношение прихожан к сборам было весьма различным. Одни верующие указывали на необходимость наличия пастыря — «есть поп нужен и дом» ему [8, л. 34]. Другие, в условиях экономического кризиса, не желали иметь дополнительных расходов, особенно когда они становились астрономическими благодаря усилиям фискальных служб и ОГПУ [3, л. 5–10]. Во-вторых, во многих местах остро стоял вопрос с помещениями для школ, клубов, хозяйственных нужд, что не могло не вызывать поддержки реперофилитирования помещений под «благие цели» [3, л. 7]. Главная задача при проведении агитации за закрытие храмов состояла в получении одобрения со стороны наибольшего количества

граждан и желательного того культа чье здание изымалось. На практике за закрытие главным образом голосовали иноверцы, номенклатурный аппарат или обучающиеся школ и техникумов, не имеющие к храму никакого отношения.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что борьба с религиозностью населения посредством экономического блока антирелигиозной пропаганды была крайне неэффективна. Попытка связать «политический момент» и идеалистическое мировоззрение верующего человека в движение к безбожию или к вере в коммунистические догматы была обречена изначально. Во-первых, объектом критики или высмеивания становились уже не актуальные факты. Для советского гражданина «эксплуаторская сущность» религии и церкви могла становиться опасной только в случае так называемой реставрации, возвращения буржуазного строя. Даже если для некоторой части населения это было приемлемо, то напрямую убедительно связать данные ожидания с религиозными действиями и чувствами пропагандистам не удалось. Во-вторых, любой обладающий жизненным опытом человек понимал, что религиозная организация, как и все иные требует своего финансового обеспечения. В свою очередь догматы, вероучение, традиции, культовая практика указывали как на необходимость коллективного участия в жизни церкви, так и на индивидуальную потребность и актуальность жертвы материальной. Без наличия храма, священнослужителя и всей полноты церковной жизни верующий человек не представлял своего нормального существования, а перед антирелигиозной пропагандой была поставлена задача дискредитации всего этого. Оснований полагать, что атеистическому аппарату удастся обосновать, доказать опасность для человека всего того, что для него совсем недавно было мировоззренческим ориентиром, залогом нормального существования и естественным состоянием в результате исследования не выявлено.

Библиографические ссылки

1. *Никольский Н. М.* История русской церкви. Минск: Беларусь, 1990.
2. *Шейнман М.* Отделение церкви от государства / XX-летие отделения церкви от государства. Москва: Гаиз, 1938.
3. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 689.
5. *Кривонос Ф.* Белорусская Православная Церковь в XX столетии. Минск: Врата, 2008.
6. Антирелигиозный учебник / Центральный Совет Союза воинствующих безбожников СССР. Москва: Госиздат антирелигиозной лит-ры, 1933.
7. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 451. Оп. 2а. Д. 313.
8. ГАООГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 338.

9. *Амосов Н. К.* О пьяных праздниках: [Цена дурмана]. Москва: акц. изд. о-во «Безбожник», «Мосполиграф» 14-я тип., 1929.

10. *Янушевич И. И.* Состояние антирелигиозной информационно-разъяснительной работы партийно-государственных структур в БССР в 1937–1941 гг. // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. 2015. № 1. С. 52–59.

11. *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. Москва: Арефа, 2008.

12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 4. Д. 140.